

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М77

Серия «Луна, Марс, далее везде»

Alexandra Monir
THE FINAL SIX

Перевод с английского *Н. Виленской*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературного агентства
The Gersh Agency.

Монир, Александра.

М77   Финальная шестерка : [роман] / Александра Монир ; [перевод с английского Н. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Луна, Марс, далее везде).

ISBN 978-5-17-105870-8

Нашу планету лихорадит от небывалых катаклизмов: Израиль погребен под песчаным океаном, на поверхности территории Италии остались лишь верхние этажи высоток, землетрясения превращают в руины густонаселенные районы Америки, Европы, России. В условиях ежедневного кризиса Евросоюз выделил средства на подготовку космической экспедиции к Европе, спутнику Юпитера, под поверхностью которой, по утверждению ученых, можно создать условия для колонизации.

Окончательный отбор должны пройти шестеро лучших кандидатов — подростков, демонстрирующих выдающиеся спортивные достижения и высокий уровень интеллекта. Глаза всего мира с надеждой и гордостью прикованы к будущим космонавтам из России, Америки, Франции и других стран. Но организаторы этого полета явно что-то скрывают...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Alexandra Monir, 2018
© Перевод. Н. Виленская, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-105870-8

Глава первая ЛЕО

Рим, Италия

Странно это, когда тебе незачем больше жить. Все острые углы исчезают, ни обрывов, ни вершин больше нет. Краски меркнут, окружающее преобразуется в бессмысленные картинки, нарисованные в одних и тех же серых тонах. Ничто больше не удивляет тебя, не воскрешает таких забытых ощущений, как страх или радость. Другого такого бесчувственного человека нет в мире, но, как только ты начинаешь привыкать к такому существованию, что-то ломается и ты говоришь себе: хватит.

Надеюсь, меня не слишком сурово осудят за то, что я сейчас сделаю. У меня, по правде сказать, и выбора не было. Я думаю об этом уже целый год, с тех пор, как наш город ушел под воду. Я один из тех, кому «посчастливилось» выжить, но ни о каком счастье здесь речь не идет. Хорошо счастье — слышать крики умирающих каждый раз, как закрываешь глаза, и вспоминать все заново, просыпаясь. Ужас не отпускает тебя ни на миг, он дышит тебе в затылок и шепчет на ухо.

На часах 5.35 утра. Пора уходить, пока соседи не проснулись и не помешали. Но сначала надо взгля-

нуть в последний раз на то, что у меня осталось от дома.

В нашем *pensione*, ранее известном как «Микеланджело», уцелел только четвертый этаж. Три нижних захлестнула волна, приговорив жильцов к мучительной смерти. Я должен был погибнуть вместе с ними и погиб бы, если бы не отправился в тот самый момент с подносом в один из номеров наверху. Пара, потребовавшая принести завтрак, меня, можно сказать, спасла, но зачем? Зачем мне жить вместе с этими чужими людьми, когда моих родных больше нет?

Я смотрю на их вещи, которые достал после с морского дна. Папины потертые шлепанцы лежат на кушетке рядом с романом Элены Ферранте, который читала мама, — уголок страницы 152 загнут. Типографская краска размыта, слова слились воедино, как слезы, но можно еще рассмотреть, что страница обрывается на середине предложения. Одно из незавершенных маминых дел.

Я беру с полки перекошенную серебряную рамку с последней школьной фотографией Анжелики. Смотрю на нее, запоминая веселую улыбку сестренки и ямочки у нее на щеках. Потом встаю и отодвигаю тяжелый железный лист, перекрывающий дверь. Раньше она выходила в светлый коридор с картинами на стенах, но это было до *Allagare Grande*, до великого потопа. Теперь у моего порога плещется Тирренское море, и лишь узенький деревянный карниз отделяет меня от воды.

В этом новом Риме все пути ведут вверх. В каждом уцелевшем жилище есть такой карниз или мостик, выходящий на *passerelle*, пешеходную дорожку

высоко над водой. Дорожки, в свою очередь, приводят нас на верхние этажи собора, больницы, мэрии, интернет-кафе, даже школы. В школу после потопа, конечно, мало кто ходит. Кафе — дело другое, я сам туда часто навещаюсь. Послушаешь, что такие катастрофы происходят по всему миру, и поймешь, что планета не нас одних невзлюбила.

Все мы видели жуткие снимки нью-йоркской Таймс-сквер. Широкая улица превратилась в реку, над которой торчат крыши бродвейских театров. У континентов больше нет берегов — море захлестывает всех, и богатых и бедных. По воде передвигаться можно вроде бы без проблем: садись в деревянную моторку, которые у всех мостков причалены, и плыви на север, в Тоскану... только не так все просто. По морю волны гуляют, а в Тоскане все переполнено. Очереди на вокзале или в аэропорту надо ждать месяцами, без кучи евро там вообще делать нечего. Да и кто тебе гарантирует, что твой новый город или страна тоже не окажется под водой?

Я не сразу капитулировал — в первые месяцы цеплялся за жизнь, как все. У одних были родственники в сухих районах, у других сбережения, а у меня ничего. Пока дождешься пособия от Евросоюза, загнуться можно, поэтому я нашел свой способ остаться в живых.

На дне моря лежали сокровища, дорогие памятки, за которые люди готовы были платить. Нырять туда дураков не находилось, один я рискнул с голодухи — я и раньше без акваланга нырял, выпендривался перед ребятами из команды.

В первую же неделю я откопал среди развалин Национальной галереи Рафаэлеву «Форна-

рину». Картину так размыло, что разглядеть красавицу трудно, но я знал, что ценители найдутся, и не ошибся. «Форнарина» целый месяц меня кормила. Потом я нашел юбилейные монеты 2004 года, выпущенные к столетию пуччиниевской «Мадам Баттерфляй». Они всего по пятнадцать евро, но как коллекционные стоили вдвое дороже. Так я и промышлял день за днем, пока не нашел в густых водорослях подлинные сокровища: папины шлепанцы, мамину книжку и сестренкино фото.

То, что они так и лежали рядом, было больше чем совпадение: я счел это знаком. Глядя в лицо сестры, я понял, кто я такой. Гнусный мародер, вот кто. Чувство вины пересилило голод. Я перестал нырять и твердо решил уйти вслед за ними.

Я вскидываю на плечи свой тяжелый рюкзак, выхожу на карниз, прыгаю и плыву — не делать же этого прямо здесь, перед домом. Лучше там, ближе к центру, где стоит полузатопленный Колизей. В голове у меня стихи Байрона, которые я учил в школе:

Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухни Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима*.

Я хватаюсь за арку, прижимаюсь лбом к камню, прощаюсь — и ухожу в глубину. Соленая вода заливает рот: мерзкое это дело, топиться. Начавшийся прилив утягивает все глубже. Адреналин зашкаливает, и Анджелика, могу поклясться, орет мне в ухо:

---

* Паломничество Чайльд-Гарольда. *Пер. В. Левика.*

«Всплывай, идиот! Всплывай!» Но я подавляю инстинкт и продолжаю опускаться на дно.

Кто бы сейчас поверил, что я спортсмен. Захотел бы — всплыл за считанные секунды, но я не хочу, вот в чем дело.

Голова показывает путаный фильм для меня одного. Я уже засыпаю — и вдруг слышу моторку над головой. Непорядок, подсказывает не совсем уснувшее сознание. Лодкам запрещено выходить в дневные часы — это одно из новых правил, принятых после *Allagare Grande*. Спасатели могут и нарушить, конечно... если утопающего заметят.

Сознание возвращается ко мне в полном объеме, стремление к смерти уступает место стыду. Не хватало еще, чтобы спасатель прыгал в море и боролся с приливом, вытаскивая меня. Не годится так уходить.

Я скидываю рюкзак и делаю то, что мне велела сестренка: всплываю. Голова выскакивает наружу, хлебная сладкий, чудесный воздух. Мотор все ближе. Я приподнимаюсь, машу руками и кричу пропавшим куда-то голосом:

— Я здесь! Не надо прыгать!

Но это не спасательный катер. Это катамаран с синей надписью «Европейское космическое агентство».

Что делает ЕКА в этом месте и в этот самый момент?

Мужчина и женщина, стоящие на носу, целенаправленно изучают местность. На женщине военная форма — темно-синяя, итальянская, на мужчине деловой костюм и футболка с девизом ЕКА. Меня они, к счастью, не замечают.

Не думал, что меня еще можно чем-нибудь удивить, но случилось именно это. Не пытаясь больше уйти на дно, я плыву вслед за катамараном. ЕКА не зря явилось в наш бывший город, столь важное событие я не хочу пропустить.

Одолеваю брассом последний отрезок вспененной воды. Вот он, наш «Пансион Даниэли», вывеска на крыше так и осталась. Катер поворачивает к палаццо Сенаторио, к мэрии. На причале стоит премьер-министр Винсенти с женой Франческой и дочерью Эленой, лучшей подружкой моей сестры.

Я задерживаю дыхание и ныряю, чтобы они меня не увидели. Что я буду отвечать, если спросят?

Вечность спустя выныриваю. Премьер с женой ушли в дом вместе с двумя людьми из ЕКА, но Елена еще тут и снимает лодку на камеру. Я тоже попадаю в кадр и моргаю от вспышки. Вот черт, заметила!

— Лео? — Елена выбегает на край причала. — Ты что здесь делаешь?

Можно бы выдумать что-нибудь — решил, мол, поплавать с утра пораньше. Только не поверит она, врать я никогда не умел. Сразу догадается по моей физиономии, что я задумал сделать.

— *Buongiorno*, Елена, — кричу я в ответ. — Ничего... долгая, в общем, история.

Да, как же. Теперь от нее не отвяжешься — можно с тем же успехом на суше поговорить.

Я подплываю, подтягиваюсь, вылезая на причал. Ноги трясутся, с одежды течет на доски.

— Хорошо хоть разулся перед заплывом — почему ж не разделся? — говорит Елена и вспыхивает. — Я не то хотела сказать... сейчас принесу тебе что-нибудь сухое. Стой тут.

— Спасибо. — Я стараюсь не смотреть на нее. Не потому, что смущаюсь, а потому, что каждый раз вижу с ней рядом мою сестру. Зря я увязался за этим дурацким катером.

Вверху, на пешеходной дорожке, слышатся чьи-то шаги: мои соседи, поднявшись необычайно рано, тоже идут в палаццо Сенаторио. Все чудней и чудней.

Элена приносит большое пальто, которое я надеваю прямо на мокрое. Она хочет о чем-то спросить, но я опережаю ее.

— Что вообще происходит? Зачем люди из ЕКА приехали в Рим?

— Ты что, правда не знаешь?

— Нет...

— Так отбор же. Сегодня объявят имена двадцати четырех!

— Двадцати четырех? — Знакомые слова, вроде забытого вкуса во рту. Я знал их еще до того, как Рим затопило, до того, как все потерял. — Европа! — выпаливаю я.

Элена кивает с легкой улыбкой.

В памяти всплывают обрывки прошлого. Мы с Анджеликой и родителями смотрим в прямом эфире пресс-конференцию ООН: мировые лидеры объявляют, что человечество находится в состоянии войны со своей планетой. Листовки о новой миссии распространяют официально, и мы узнаём о плане заброски молодых астронавтов на Европу, наиболее перспективный спутник Юпитера. На следующей неделе в нашей школе появляются «скауты» для отбора кандидатов. «Только молодежь может сосуществовать с радиационнстойкими бактериями,

которые обеспечат человечеству будущее на новой планете, — говорят ученые в телевизоре. — Только молодежь будет способна к воспроизводству, когда Европа станет пригодной для колонизации».

Все эти головокружительные мечты смысл потоп — у меня и в мыслях не было, что это дело доведут до конца.

— Значит, финалистов уже отобрали? — спрашиваю я. — Почему тогда НАСА и ЕКА просто не объявят их имена в онлайн? Зачем тащиться сюда... стоп! Кто-то из них здесь, что ли, живет? У нас в Риме?!

— Ну да! Правда, здорово? Хоть бы не я, у меня сердечный приступ случится. Имя объявят на пресс-конференции в полседьмого.

— Ты серьезно? Тогда пошли!

Я перехожу на бег. Элена протестует, говоря, что нельзя являться туда босиком и мокрым насквозь, но я хочу сам услышать, как кого-нибудь из моих друзей и знакомых назовут в числе финалистов. Папа сейчас потрясал бы кулаками, гордясь, что выбрали римлянина, мама сокрушалась бы, жалея родителей избранного.

Портик дворца затонул вместе с нижними этажами; я вбегаю с понтона в крытую галерею, ведущую в бельэтаж, *piano nobile*. Картины старых мастеров на стенах разбухли от сырости, расписные потолки испещрены трещинами, но жизнь здесь кипит по-прежнему. Следуя на гул голосов, я вхожу в Неготический зал с мраморными колоннами. Хрустальная люстра на потолке сохранилась с допотопных времен.

Зал почти до отказа заполнен пережившими катастрофу, последними римлянами, как нас именуют

СМИ. Итальянка в военной форме, человек из ЕКА и премьер с супругой поднимаются на эстраду, трое операторов готовятся к съемке, сердце у меня стучит все быстрее.

— Мне тоже надо туда, к родителям. Поговорим позже, ладно? Ты так и не сказал, зачем полез в воду.

Я и забыл, что Элена все еще здесь.

— Ладно. — Все смотрят вперед — авось никто не заметит, что с меня капает. — Спасибо тебе.

— *Buongiorno*, — говорит премьер в микрофон. — Спасибо, что собрались здесь сегодня, в день, который вернет Риму былую гордость. Вижу, вам так же не терпится услышать новости, как и мне, поэтому буду краток. Позвольте представить вам сержанта Клеа Росси из Итальянских вооруженных сил и доктора Ганса Шредера из Европейского космического агентства.

Пока все аплодируют, я отыскиваю себе местечко в последних рядах. Доктор Шредер выходит вперед.

— Благодарю вас, премьер-министр и все, кто присутствует в этом зале. Для меня большое счастье еще раз посетить Рим — не думал, что мне представится такой случай.

Все затихают, понимая смысл его слов. Наша родина быстро идет по стопам Байи, древнеримского города, затонувшего из-за вулканических сдвигов на Неаполитанском заливе.

— Проект «Европа», как вам известно, имеет первостепенное значение для нашей планеты. Чем скорее мы сумеем колонизировать этот спутник Юпитера, тем лучше для нас. Счастлив сообщить вам, что всего через год после сбора медицинских

и академических тестов нам удалось отобрать финалистов в количестве двадцати четырех человек. Эти молодые люди проведут месяц в учебном космическом центре США, после чего из них будут отобраны шесть суперфиналистов, которые и полетят на Европу. — Доктор Шредер делает паузу. — И один из этих двадцати четырех, как вы уже поняли, находится среди вас.

Зал взрывается воплями, ликованием, нервным смехом. Я смотрю по сторонам: может, финалист стоит где-то рядом?

— Прошу, сержант Росси. — Доктор уступает ей микрофон.

— Римский финалист, который в понедельник отправится в учебный космический лагерь, — начинает она, — был отобран за выдающиеся способности к выживанию и еще за одно крайне важное качество.

Я задерживаю дыхание. Трудно представить, что кто-то из моих знакомых или друзей всего через два дня уедет в Америку — и, возможно, навсегда покинет планету. Вглядываюсь в толпу, чтобы засечь первую реакцию избранного.

— Вашего финалиста зовут...

Напряжение сгущается, мы все подаемся вперед.

— ... Леонардо Даниэли!

Погодите. Я? Быть не может!

— Да вот он, здесь! — кричит кто-то.

Больше ста человек оборачиваются ко мне. Операторы подбегают, наставив на меня объективы. Элена, стоя между отцом и матерью, издает нечто среднее между стоном и визгом. Точно. Меня выбрали.

Один из операторов сует микрофон.

— Что вы чувствуете сейчас, Леонардо? Шок, страх, радостное волнение?

Сегодня я хотел умереть. И умер бы, если б не услышал лодочного мотора.

— Я... я не представлял, что так будет. — Мои слова разносятся эхом в притихшем зале. — И очень рад, что не упустил этот шанс.

Глава вторая НАОМИ

Лос-Анджелес, Калифорния

— Вы шутите, да?

Я обвожу глазами взрослых, собравшихся в кабинете директора. Сейчас кто-нибудь из них выдаст заключительную часть анекдота. «Что будет, если собрать вместе старшеклассницу, ее растерянных родителей, ученого из НАСА, вооруженного офицера армии США и директора школы?»

— Нет, Наоми, это не шутка. — Женщина из НАСА выговаривает мое имя так, будто оно хрустальное и может разбиться. — Ты гордиться должна. Каждый из двадцати четырех был выбран за особое свойство или способность, необходимые для будущей миссии. Твои отличительные черты — это блестящий интеллект и способность мыслить логически. Если войдешь в финальную шестерку, будешь мозгом всей операции.

Мои родители хватаются за руки. Мама вхлипывает, мое сердце сжимается. Этого просто не может быть... но серьезные лица вокруг подтверждают худшее.